

ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

ВРЕМЕНА ГОДА
И
ЖИЗНИ

ИЗБРАННОЕ

стихи и поэмы, рассказы и новеллы,
статьи о творчестве и очерки о современниках,
эссе и этюды, заметки паломника, переводы и письма

ВОЛОГДА
2014

ДЛЯ КОГО СТРОИЛСЯ ДОМ? (об Александре Яшине)

1.

Для меня Александр Яшин – тот именно человек, который и должен был стать достойным представителем нового мира, ради которого и свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Он должен был прийти на смену прежнему, «ветхому», человеку, чтобы жить, творить и любить по заповедям «морального кодекса строителя коммунизма». Его судьбу и определила революция. Он и в жизнь входил уже, уверовав в её идеалы. И прав был Владимир Солоухин, когда написал, что «начало биографии Яшина связано с обстоятельствами», а они складывались так, что выводили Сашу Попова на новую орбиту, неведомую досель его крестьянскому роду.

Мечту о новой жизни, счастливой и справедливой, он вынес из детства, слушая легенды и предания, бытовавшие в его северном краю. Мечта о сказочном Беловодье и о Граде Китеже, о царстве Правды и Справедливости, казалось, начинала сбываться на его веку. Нет, никто желанную и богатую жизнь на блюде с золотой каёмочкой не принесёт, никто манной небесной не одарит, по-щучьему веленью ничего в жизни не переменится. Ради неё предстояло потрудиться и показать старому, уходящему в прошлое миру, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» советская земля рождать. В том числе и из рода крестьянского. Вот эти обстоятельства, сопровождавшие его детство и юность, и «породили», в конце концов, явление Яшина, наделённого от природы щедрым и жизнестойким талантом.

Яшин был сыном своего времени:

«Он следовал велениям партии и комсомола во всём, вплоть до внешнего облика. Нам объявлено, что мы живём зажиточной жизнью?»

«Слушаю, товарищи начальники». Яшин надевает фетровую шляпу, а юнгштурмовку с португеей через плечо меняет на модный костюм. У нас на несколько месяцев провозглашена эра социалистического гуманизма? Яшин любезен с адмссильными, тем более что их теперь берут и на идеологический фронт... Однако по натуре Яшин был человек порядочный. Совесть в нём все-таки бодрствовала» (Николай Любимов).

Пел он и частушки первых пятилеток:

«Бога нет, царя не надо,
Никого не признаем.
Провались земля и небо,
Мы на кочке проживем!»

Он остро чувствовал исторический вызов времени, осознавал себя свободным, сильным, независимым и уже с юных лет готовил себя для великого дела, выпавшего на долю его поколения.

«Я, если верю, – верю одержимо.
Самосожженцы – прадеды мои...»

Александр Пшеничников, друг его юности, вспоминая годы учёбы в техникуме, рассказывал, что они уже тогда жили коммуной. Еда, одежда, деньги – всё было общее:

«Мир хижинам – война дворцам!» – этим определялись все наши отношения: родившиеся в хижинах – друзья, во дворцах – враги...»

«Пусть мир, что мы творим, далёк от завершения,
но мы глазами Ленина в грядущее глядим.
Мы клятвенно твердим обеты поколения,
что жить хотим по Ленину, иначе не хотим!
Не верим ни чужим, ни нашенским лжегениям
и ссылками на Ленина прикрыться не дадим.
Благословен удел с таким работать рвением,
как он всю жизнь умел, к себе без послабления,
как он всю жизнь прожить ни дня без вдохновения,
Отечеству служить и до самозабвения людей, народ любить!
Во всём возможном быть похожими на Ленина!»

Атмосферу тех лет хорошо передают воспоминания земляков, с которыми Яшин входил в большую жизнь. Тогда им было по пятнадцать-восемнадцать лет:

«Наша учёба (1928 – 1931) совпала с первой пятилеткой. Это были незабываемые и героические годы. Весной 1929 года занятия в техникуме на месяц были прекращены, и все студенты направились в деревню для организации колхозов. Целый месяц мы проводили собрания в деревнях. В прокуренных махоркой избах, где дым стоял коромыслом, собрания начинались вечером и заканчивались с первыми петухами. Создавал колхозы и А.Яшин...» (**Авенир Борисов**).

«Классовые враги», «внутренние вредители» (бюрократизм, алкоголизм, мещанство), «способы борьбы за влияние на молодёжь», «методы борьбы с кулаками» – всё это наполняло его жизнь, становясь её содержанием и смыслом.

«Что наше дело правое – и всё тут,
Что рано или поздно победим...»

Тогда в техникуме он и начал писать первые стихи, тогда же появился у него и псевдоним – Яшин. Литература становилась для него «формой борьбы за счастье народа».

Из автобиографии:

«Печатать мои стихотворения начали в 1928 – 1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга: «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему».

«Я рождён здесь для того, чтобы видеть
И обо всем рассказать другим...»

Жизнь менялась к лучшему. В ней Яшин чувствовал себя «хозяином, богатырём, способным совершить всё, что задумано, способным всё себе подчинить, он был уверен, что именно на поэте лежит ответственность за переустройство мира» (**Алла Рулёва**).

«Я знаю, меня не любить нельзя;
Я самый рачительный из хозяев.
За мною следят и враги, и друзья:
Взрываю базальты,
Сады подрезаю,
Дороги мощу,
Карасей ловлю, –
Богат и улыбчив,

Силён и спокоен,
 Ругаюсь и спорю,
 Клянусь и люблю...
 Кто скажет ещё о себе такое?..»
 («Хозяин», 1936).

Яшин говорил своим недоброжелателям: «Чирикайте, как хотите, а я пишу по-мужички, основательно. Я в литературу вхожу, как плуг в борозду...»

Поэт всегда в центре событий. Он на сходке и на собрании. Он там, где обобществляют пахотные земли, где раскулачивают местных богачей, где создаются первые артели. Он везде, где уже зримо видны перемены в жизни, где пробиваются её желанные ростки «во имя советского человека, во имя коммунизма», пусть ростки и хрупкие ещё, но свои, выстраданные.

«Ему, человеку, выросшему в деревне, в нужде, западали в сердце заботы и чаяния его односельчан, он вмешивался в стремительный ход событий, где мог. Так стала определяться одна из основных тем его творчества – тема становления колхозного строя, крушения старого, частнособственнического уклада в северной деревне...» (**Валерий Дементьев**).

Яшин наивно полагал, что, «освобождаясь от бедности и лишений, человек уже тем самым становится и счастливым, и внутренне совершенным» (**Юрий Буртин**). В его стихах тех лет «много риторики, поверхностно понятой злободневности, бодрячества... Говоря языком крестьянина, стихи Яшина тех лет можно было бы уподобить вороху зерна, ещё неотвеянного, неочищенного, где рядом с отборным, литым зерном лежит мякина, а то и просто мусор...» (**Фёдор Абрамов**).

В одном только нельзя было отказать призванному в поэзию Яшину – в исповедальной искренности и правдивости.

Прав и Валерий Дементьев, когда пишет: «Плоть от плоти, кость от кости этого крестьянского мира, поэт сам берет слово и говорит о себе, о «свете в душе», который зажгла в нем Октябрьская революция, новая жизнь»:

«И я мужик. И мне земля
 Родная дорога,
 И я за зря не жгу рубля:
 Деньга – всегда деньга.
 Но я в такую даль взглянул
 От узенькой межи,

Такого воздуха хлебнул,
 Что душу освежил.
 По той же пахоте хожу,
 С лица текут ручьи.
 Но я на шар земной гляжу,
 Как на поля свои.
 И чтобы свет в душе не гас, –
 За правду за свою,
 За нашу власть,
 За всех за нас
 Всей жизнью я стою...»

Яшин понимал, что ему предстоит и через себя явить обществу главные черты человека нового мира. И в работе над собой он себя не жалел. Устремлённый в будущее, поэт «не бичует «пережитки прошлого», он говорит о несовершенстве нашего человека с точки зрения идеалов эпохи...» (**Василий Оботуров**).

«Счастливым дар не на года
 Даётся
 И не в одолжение,
 Не для забав и развлечения,
 А навсегда –
 Со дня рожденья
 Для непрестанного труда...»

И он трудился, а к труду он приучен с детства. Труд стал и основным лейтмотивом его поэзии. «Мировосприятие Александра Яшина – это мировосприятие активное, действенное. В основе своей его поэзия связана с победоносным шествием миллионов и отражает их творческие порывы, борьбу и строительство нового мира.

Александру Яшину органически чуждо трагическое одиночество потерявшей себя личности, безысходная тоска индивидуализма, пессимизм, бесперспективность. Он частица нашего класса-творца...» (**Константин Ром**).

С такими чувствами, с таким настроем он жил и работал, пока не грянула война...

2.

На шестой день войны Александр Яшин подаёт заявление в партию. В нём он пишет:

«В дни, когда фашистская гитлеровская Германия напала на священную землю моего Отечества, я готов выполнить любое задание Партии и Советского правительства, готов в любой час идти на фронт и, не щадя жизни своей, работать на победу над врагом пером поэта и штыком бойца. Клянусь везде, куда бы меня ни послали, быть достойным высокого звания члена ВКП(б)».

«Голы холмы, и деревья голы,
На небе тучи, как чёрный чад,
Словно и там аулы, и сёла,
И города родные горят...»

Уже в первый день войны Яшин записал в дневнике: «Решил быть на войне, всё видеть, во всём участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно. Надо быть впереди, быть везде, чтоб после, если останусь жив, не было стыдно и жалко, что в такое время я что-либо упустил. Николай и Петя Ростов, Пьер Безухов – образцы для меня. Я их вижу как живых...» **(22 июня 1941 года)**.

Образцами для него были и коммунисты. Для Яшина коммунист – это настоящий человек, человек нового мира, и он хотел быть среди этих людей в трудный для молодой республики час. На войне, по его словам, к нему пришла и «настоящая любовь к родной земле», за которую «радостно идти в бой и не жалко отдать жизни своей» **(9 ноября 1941 года)**.

«Надо записывать даже все мелочи, наблюдения – после для книги всё пригодится» **(26 июля 1941 года)**, «я сам всё хочу видеть и испытать» **(19 сентября 1941 года)**.

Он встал в многомиллионный строй, чтобы защищать идеалы, ради которых гибли первые революционеры. Он встал на защиту страны, в которой у народа впервые появилась возможность осуществить свои вековые мечты и построить на земле справедливое общество. Позже он признавался: «В дни, когда был постоянно под огнём, в боях, под дождём и ветром, когда спал на голой земле под воем мин (Алексеевка) – на душе было хорошо, спокойно. Я был счастлив...»

Побывав в боях, увидев, с каким мужеством стоят за каждую пядь земли защитники Отечества, Яшин запишет: «Какими великолепными агитаторами за советскую власть будут все те из нас, кто уцелеет в этой войне, испытав на себе все её тяжести. Я сейчас хорошо понимаю, почему старая гвардия большевиков – партийных и непартийных – так тверда была всегда, при любых испытаниях мирной переделки

нашей страны...» (9 ноября 1941 года).

Привожу выдержки из дневника, чтобы почувствовать настроение «писателя-корреспондента», а не «простого газетчика», который «со слов других пишет заметки», и услышать голос поэта, неустрашимого в своей ненависти к врагу и беззаветно преданного идеалам революции.

«Именно сейчас, в дни великих испытаний Родины, как никогда можно проверить силу своего характера и свою способность на большие дела...» (14 октября 1941 года).

Или вот другая запись: «Я чувствую удовлетворение от того, что и на наше поколение выпали военные испытания. Было бы нехорошо, если бы мы всю жизнь прожили так гладенько, как до сих пор. Этак под старость, пожалуй, все стали бы ворчунами. А теперь мы до седых волос будем радоваться каждому новому тихому дню, радоваться солнцу, траве, каждому дереву, каждому цветку. И тысячи раз больше, чем раньше, будем дорожить любовью к себе, семьей своей...» (6 декабря 1941 года).

«С утра из дальнобойных бьют орудий.

Шарахаются бронзовые люди,

Идут живые, не оборотясь...»

У Яшина есть рассказ под названием «Единомышленники». Перед боем, может, последним боем в жизни, солдат решил вступить в партию. Мне кажется, в нём Яшин выразил свои сокровенные чувства и думы. Приведу отрывок из него:

«Залесов снял пилотку с головы и, вытирая ею, как платком, лицо и шею, не отрываясь смотрел на Пивоварова расширенными глазами.

«А вдруг все захотят вступить в партию, что тогда? – думал он. – Обманывать людей? И что у этого Семёна на душе? Может, он в свою просьбу всю жизнь вкладывает, может, прикидывал так и эдак! А, может быть, готовится к смерти и, как бы прозревая и внутренне очищаясь от всяких обид и мелких помыслов, просит принять его в партию, как верующие перед смертью просят об исповеди, о причастении?»

Почему Пивоваров тянется к партии? Ведь в плен взять могут, а не боится...»

Залесов стал вспоминать, как сам он с юношеских лет связывал с именем партии всё, чем жил, всё, о чем мечтал, всё лучшее, что видел и хотел видеть вокруг себя. И тогда ему показалось, что он нащупывает настоящий план спасения себя и своих товарищей, план атаки, что он понял, наконец, что значит идти напролом...»

Вслед за Пивоваровым заявления в партию подали и другие бойцы. Они не знали, что командир их, Залесов, человек беспартийный, но в этой ситуации он скрыл это, потому что «ложь его была ложью во спасение».

«После всего, что произошло, Залесов верил в своих товарищей, и эту веру уже ничем нельзя было поколебать. Эти воины исповедовались в своих слабостях и утверждались в своей силе, они сами для себя открывали истинные ценности жизни, каждый знал, на что он идет и что от него требуется...»

17 марта 1942 года Яшин запишет: «Азаров дал плитку каши гречневой (концентрат), завтра отнесу... Не утерпел. Унёс концентрат каши, банку мяса консервированного, сахару, кусок мыла. И очень счастлив от того, что делаю что-то хорошее для хороших. Ольга уже более доверчива и более приветлива со мной. Отец, видимо, растроган, но мне неприятно слушать его благодарности. Я сам себя благодарю, «сам свой высший суд». Ольга пока не решается на выезд...»

Он помогал, как мог, семье Рожавиных. Отца удалось устроить в госпиталь, но поздно. Он скончался: «Очень тяжело, что не удалось спасти человека. Надо спасти Ольгу, иначе тоже погибнет или навсегда останется калеккой. Завтра с утра начну ходатайствовать об эвакуации её...» (20 марта 1942 года).

Вот как вспоминает эти дни Всеволод Борисович Азаров: «В «Ленинградской поэме» через знакомую Яшину девушку он рассказывает о семье рабочего Рожавина, в чьей судьбе поэт принимал сердечное участие. Я позабыл, а Яшин нет, как я отдал лежавший в противогазной сумке кубик гречневого концентрата.

Спустя много лет я получил от этой семьи по почте небольшую шкатулку, в которой лежал не тот, но похожий на него кубик...»

Азаров рассказал об этом ребятам из клуба «Яшинская рябинка». Они приезжали к нему в ноябре 1977 года: «Для чего я рассказал об этом ребятам из «Яшинской рябинки»? Вероятно, для того, чтобы они представляли, хотя бы частично, условия, в которых жил, создавал стихи, радовался и страдал человек, чьё имя они произносят каждодневно...»

Обычный, казалось бы, эпизод, но в нём проявились лучшие черты характера поэта-коммуниста.

В письме С.Шириной он заверил её: «Знай, друг, что за время войны я ни разу не уронил звания члена партии, всегда чувствовал себя коммунистом и поступал соответственно этому. Честно тебе говорю... Звание члена партии я сохранил в чистоте...» (Ленинград, 14 марта

1942 года). Он мог бы, наверно, в те мартовские дни повторить вслед за Верой Инбер слова, сказанные ею месяцем раньше: «Я счастлива. В этом осаждённом, безводном, бестранспортном, несытом городе я счастлива счастьем советского человека...» (7 февраля 1942 года).

Для Яшина война – это великое возмездие, священная борьба за правое дело, за свободу Родины, за социалистический строй. И не только:

«Сегодня мы от костров храним
Культуру, которую миру дали
Москва и Афины,
Париж и Рим, –
Которую мы от рожденья чтим, –
Мы ныне совестью мира стали...»

А вот эти строки звучат как заповедь поэта – и самому себе, и всему своему поколению. И эта клятва, по мнению Надежды Павлович, «внутренний запев всех военных стихов Яшина»:

«Ни в чём
Никогда
Не сходи в вершины!
Клянись!..»

Константин Симонов в предисловие к посмертному двухтомнику Яшина отметил:

«Думаю, что в его окончательном становлении как поэта и как прозаика большую роль сыграла война. Разным писателям достались на войне разные судьбы. Те из писателей, которые не искали в трудные для родины годы лёгкой жизни – а таких было огромное большинство, – не выбирали, что им делать на войне».

В военной биографии Александра Яшина как редактора и политработника – осаждённый Ленинград (некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский), был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте.

«В глазах, в словах – одна победа.
Мечты, мечты наедине...
Кто эти чувства не изведal,
Тот просто не был на войне...»

Яшин писал на войне очерки, заметки, рассказы и стихи, чтобы «советский боец увидел свой ратный труд в сиянии славы и величия» (Надежда Павлович).

Яшин не думал о себе, он воевал, как настоящий коммунист. Из боевого порядка его могла выбить только смерть, но Богу было угодно, чтобы поэт выжил и вернулся к строительству коммунизма, отстаившему своё право на счастливое будущее.

3.

Возвращение к созидательному труду во имя коммунизма, опьяняющее чувство Победы, воспевание человека-труженика – всё это определяло настрой яшинской музыки. «Мечта, правда, просветлённые дали, «промытые окна» – вот мироощущение Александра Яшина; «не расстанусь со своей мечтой» – вот его отправная точка» в поэзии... Звать в завтрашний день, приоткрывать его, – таково, несомненно, было понимание Александром Яшиным своего писательского долга...» (Алла Рулёва).

«Надо очень много работать,
Очень правильно надо жить...»

У коммуниста Яшина свой кодекс жизни. Он его изложил в стихотворении «Сыну, вступающему в партию»:

«Да, нам всегда была близка мечта,
И не корысть кидала нас в сраженье.
В нас жили смелость, самоотречение
И ленинского сердца чистота.
А повстречаешь, сын мой, на пути
Стяжателей, каких и мы встречали,
Знай: это просто накипь на металле,
Окалина, – её должны смести.
Для коммуниста лёгкой жизни нет.
Готовься не к парадом, а к походам
И помни: ты от самого народа
Сегодня получаешь партбилет...»

Среди героев его стихов и поэм – строители новой жизни, молодые энтузиасты и старые мастера, люди высокого сознания и трудового долга. Человека будущего он воспитывал в себе самом, он представлял его в своём отношении к Родине и земле, к жизни и работе, коллективу

По словам Златы Константиновны Яшиной, поэт в то время работал азартно, увлечённо, писал много и был уверен, что пишет правильно.

«Пока колхоз не выправим,
Не кончится война...»

По мысли Яшина, человек коммунистического общества должен быть таким, как Алёна. Она воплощала в себе его идеал. А раз такие люди есть, значит путь в «светлое будущее» Ленин указал верный, но на пути этом предстоит нелёгкая борьба за человека. Писатель верит, что и фронтовик Козлов, приняв перемены в колхозной жизни и смилив свою гордыню, будет передовым строителем коммунизма.

Фомина о Козлове секретарю райкома:

«Ещё в повадке вывихи,
Иль – как их там – заскоки.
А парень настоящий!..»

«Борьба за Козлова как человека потенциально полезного, но проспавшего жизнь, несмотря на войну. Борьба эта знаменует качественную новизну отношений в нашем государстве. Она демонстрирует непобедимую силу нового и обречённость пережитков прошлого в сознании и поведении людей» (Алексей Дроздов).

Позже в предисловии к книге Яшина «Земляки» Владимир Солоухин так охарактеризует ту победную эйфорию послевоенного времени, то «идиллическое, фронтовое представление о сельской жизни в тылу»:

«Я действительно увидел образцовое свиноводческое хозяйство там, в вологодской глуши. Без белого халата меня даже не пустили в свинарник. Девушки суетились там все как одна тоже в белых халатах, не то лаборантки, не то ассистентки. А между тем это был единственный на всю область крохотный островок, оазис в океане полного развала сельского хозяйства. Сарай без крыш (солома скормлена скоту), коровы, стоящие по брюхо в навозной жиже, телята, подыхающие с голоду и облепленные мухами, коровы, подвешенные на веревках, ибо не могли уже стоять... «Да что же это за гений такой, – подумалось мне тогда, – эта Люскова, что сумела среди этакой черноты и разрухи создать свой белоснежный оазис?» Но тогда же я и догадался, что это не она всё создала, а её создали, одну на всю область, чтобы пустить пыль в глаза. Хозяйство это создавалось сверху, как образец. Потом это стало называться показухой и очковтирательством. Я потому

так подробно остановился на свинарке Люсковой, что поэма Яшина и воспевала такую вот Люскову, хотя она и называлась Алёной Фоминой.

Сама задача воспеть единичный случай, а не рассказать об общем состоянии деревни, о земледелии и положении вологодских крестьян-колхозников, сама эта задача была антихудожественна и антинародна...»

Об этом же писал и Евгений Евтушенко:

«В послевоенные годы Яшин впал в затяжной кризис, со стороны выглядевший как успех – лакировочная, скучная поэма в стиле «а-ля рюс» «Алёна Фомина» даже получила Сталинскую премию. Не делали чести Яшину его стихи о Волго-Доне и о целине, рисовавшие выдуманную ложноромантическую жизнь».

Ещё в 1934 году Константин Ром в статье «Дебют» (о книге стихов Александра Яшина «Песни Северу»), опубликованной в журнале «Звезда», отмечал:

«Люди и явления не волнуют его глубоко. Социально-общественное стало ещё для него «переживанием», содержанием лирической конструкции. Он является здесь в сильной степени регистратором, бесстрастным описателем или в лучшем случае напыщенным декламатором. Такая декларативность является уже пройденным этапом в советской поэзии. Это только свежие образы той устарелой поэзии, о которой говорил на съезде тов. Бухарин в отношении творчества Д.Бедного, Безыменского и других...»

Через четыре года в «Литературном обозрении» (№ 24, 1938 г.), анализируя вторую книгу Яшина «Северянка», критик Евгений Беркутов в очередной раз предупреждал поэта:

«До тех пор, пока Александр Яшин не вырвется из плена трафаретного подхода к теме, он не сумеет достигнуть подлинно художественной выразительности. На каждом шагу мы убеждаемся, что жизнь проявляется в литературе именно там, где конфликты преодолеваются, а не смазываются и загушёвываются...»

Через десять лет в газете «Красный Север» Андрей Сотников в статье «Поэзия колхозного Севера» снова предостережёт поэта: «Торжественная приподнятость приводит Яшина к схематизму, подмене художественных образов лозунгами, ярких выразительных слов – прозаизмами...»

Сам Яшин так скажет об этих годах (конец сороковых – самое начало пятидесятых): «Я был просто... слепым. Совесть во мне спала, что ли?»

«Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытьё,
Как верят одни лишь поэты, —
И в том оправданье моё...» (1953)

«Так что упрекать Яшина за излишне оптимистическое содержание его послевоенной поэзии нельзя, — справедливо заключает Алла Рулёва. — Он не лукавил и тогда. Он верил в правильность своей позиции. Если бы это было иначе, поэт не смог бы позже вступить на тот сложный путь, который требовал «не фальшивить и не бояться правды...»

4.

Однажды, когда Алексей Недогонов напечатал поэму «Флаг над сельсоветом», похожую по материалу на его поэму «После войны», Александр Яшин в разговоре с Фадеевым сказал: «Это, кажется, моя судьба — всю жизнь опаздывать...»

— Значит, всю жизнь бить будут, — посочувствовал ему Фадеев и добавил: — Ничего, за битого двух небитых дают...»

«Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упрёков?
О, как мне будет трудно умирать!...»

Да, прозрение у него было позднее, и шёл к нему Яшин долго и мучительно. Может, оно потому и состоялось, что был он настоящим коммунистом, ни в чём не отступавший от ленинских норм жизни. Он и в середине 50-х мог бы повторить то, что написал в декабре 1941 года: «Я в чувствах, в мыслях, в ощущениях, в желаниях своих всегда коммунист, только коммунист...»

Он верил в силу слова, способного участвовать в переустройстве мира, и знал, какая на поэте лежит за него ответственность, особенно на поэте-коммунисте с непоколебимой верой в торжество коммунистических идеалов.

«Мы воспевали метели и снег
И верили каждой светлой примете,
Что не было,
Нет и не будет вовек
Важнее стихов ничего на свете...»

Выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954), Яшин говорил:

«Мало поклясться в верности принципам социалистического реализма, надо драться за их торжество и в литературе, и в самой жизни... не фальшивить, не бояться правды на земле – правды коммунизма».

В этом же году он написал статью «Жизнь требует». Есть в ней такие размышления:

«Народ наш хочет видеть в своих поэтах не иконописцев, а боевых соратников, которые не отворачиваются от будней, борются за всё хорошее против всего плохого. Но советский поэт не вправе замалчивать и другие стороны жизни: факты бесхозяйственности, очковтирательства, воровства, которые у нас пока встречаются... Мы счастливы, что находимся не на задворках истории, а на баррикадах её, и благодарны за это своему великому времени, своей судьбе. Вот о чём я думал, читая проект Программы КПСС...»

Сам к себе поэт, ревизуя свою творческую позицию, был беспощаден: «Вспоминаю, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов «Совесть» и всерьез взяться за прозу. Народ страдает, а мы стишки пишем – мне это казалось очень стыдным...» (19 января 1963 года).

«Именно особенности яшинского характера во многом предопределили исповедальный характер его зрелого творчества, его совестливость и самосуд, не знающий никакой пощады к себе?..» (Фёдор Абрамов). Яшин будто обрёл новое дыхание и начал набирать высоту.

«Я как будто родился заново,
 Легче дышится, не солгу,—
 Ни себя, ни других обманывать
 Никогда уже не смогу,
 Если б даже хотел, не смогу.
 Жизнь при всех её изменениях,
 Мир во всех его измерениях
 Для меня теперь по плечу,
 Сам за всё отвечать хочу.
 Так свободны мои движения,
 Словно в первый раз от рождения
 По своей орбите лечу.
 Ни к безверию, ни к сомнению
 Не причастна душа моя.

партии, в годы прозрения и одиночества («Я совершенно одинок в этом мире, в этом лесу, у меня никого нет на свете близкого, кому бы я мог полностью довериться») можно судить по воспоминаниям Николая Любимова:

«Последняя наша с ним встреча состоялась в Центральном доме литераторов 10 мая 1965-го года. Придя домой, я тут же записал его слова. Отведя меня в сторону, сам себя перебивая, но особенно не понижая голоса, он спешил высказать то, что у него накопело:

– Мне жить не на что. Я вчера не пошёл на встречу друзей-фронтовиков, – нечем заплатить... У Демичева на совещании я был как белая ворона... Я бывал и у Хрущёва: там была ругань, чуть не до мата дело доходило, а здесь – все чинно, благородно. Но когда я выступил в защиту Фёдора Абрамова, – говорю: ведь это же правда – всё, что он написал, – Демичев мне в ответ: «Нам нужна не всякая правда, нам нужна большевистская правда»... Эх, Коля, как я их всех ненавижу: и партию, и правительство! Какой там социализм, какой там коммунизм, у нас фашизм! Я ненавижу партию – и я «член»! Да я бы давно вышел из партии, давно бы всю правду им в харю выплюнул, да боюсь – семью угробят!.. Их сейчас, сволочей, экономика подпирает. Да разве они с ней справятся? Там же ни одного умного человека нет...»

Нет, он до конца дней своих оставался «членом» той партии, в которую однажды поверил, и никогда ей не изменял, той, в которой всё же больше «людей с чистой совестью бойцов»: «Ухожу от друзей, от города – в звуки леса, лугов, как Лев Толстой от своей семьи. От тщеславия, от борьбы за власть, за закрытый распред и паёк...» (11 сентября 1967 года).

Он и на этот раз оказался на высоте нравственных заповедей «своей партии». Одно его поддерживало в жизни – вера в земляков, но в настоящих земляков, не тех, кто унижал и оскорблял его в заказных письмах и на показательных собраниях, когда разбирали и огульно осуждали «Вологодскую свадьбу».

«В душе моей по-прежнему живо первое впечатление от письма настоящих моих земляков – удивление и восхищение ими. Я стараюсь осмыслить совершившиеся перемены в характере моих односельчан.

Где, когда это видано, чтобы русские крестьяне, вологодские мужики, сами, без подсказки со стороны, на своём крестьянском сходе вмешивались в литературные дела страны – строго и хозяйски заинтересованно? Разве это не сама революция? Разве в этой особенности нашего читателя не сказываются те самые коммунистические черты советского человека, которые воспитывает в

нём партия в течение уже полувека. Разве не о таком читателе мечтал Николай Алексеевич Некрасов: «Эх! Эх! Придёт ли времечко...»? Я писал, думая о правде, и за эту же правду вступились мои земляки – смело, по-государственному, по-партийному...»

«Всё во имя совести,
Всё во имя чести,
Всё – от первой повести
До последней песни...»

Нравственную норму коммуниста Яшин видит в размышлениях рядового колхозника Луппа Егоровича, который не о себе печётся – о людях, о земле. Как его душе не болеть: колхоз «то укрупняли, то разукрупняли. Пасеку похерили – пчёлы, видишь ли, невыгодны, кур похерили – куры невыгодны, лошадей на колбасу – лошади невыгодны. Земля стала невыгодной, лес наступает на сенокосы, на пашни...» (рассказ «Старый валенок»).

«Я ныне
Пекусь уже не о себе – о сыне.
Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чём не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок...»

Были во многом пророческими слова Александра Яшина для всей русской деревни, когда он за восемь дней до смерти записал в своём дневнике:

«Мне бы сейчас ещё немного пожить, чтобы дописать. «Для кого строился дом» – это главная моя книга. Много написано в парках... Большая крестьянская семья – дети, дети. Вырастают. У каждого своя судьба: кто убит на войне, уехал учиться, кто на «колхозном фронте» погиб, кто на лесозаготовках. Удачная жизнь, нелепая жизнь, светлая смерть. От всей семьи остаётся старуха. Дом готов. Строился для сыновей, для внуков... Для кого строился дом?!» (3 июля 1968 года).

На фоне нынешней жизни русской деревни ответ на этот сакральный вопрос приобретает мистический смысл и необозримую глубину. Среди уроков, которые преподал нам на примере своей жизни Александр Яшин, есть и такой:

«Поздние наши потомки, которым захочется уяснить себе, на каких китах стоял наш лжекоммунизм, что прикрывали собою речи,

доклады и сводки и как трудно было нам продираться к правде, как дорого давалось нам прозрение и очищение, многое поймут, прочитав «Рычаги», «Вологодскую свадьбу», «Сироту» и стихи Александра Яшина последних лет...» (Николай Любимов).

Не в этом ли и заключается величие и трагедия жизни и творчества настоящего русского человека? И верно, для кого строился дом?

«Прости меня, поле, за неурожай, за пустошь,
Прости меня, моя родная земля,
Я рождён здесь для того, чтобы видеть
И обо всём рассказать другим,
А я долго на всё закрывал глаза...»